

В. Ф. РАЕВСКИЙ

О существе законов Монтеские

Опровержение случайного творения. Следственно — есть вина первоначальная, и законы суть отношения, находящиеся между ею я разными существами, и отношения сих разных существ между собою. — Каждое разнообразие есть *единообразие*, каждая перемена есть *непременность*. К чувству своей слабости человек присоединил бы чувство своих нерв, почему второй естественный закон был бы тот, который заставил его искать своего пропитания.

Но признаки *взаимного* страха скоро заставили бы людей сблизиться. — Сверх того, прелесть, внушаемая взаимно обоими полами, своею разностию умножила бы удовольствие и естественное прошение, всегда ими друг другу делаемое, — было бы третьим законом.

Желание жить в обществе есть четвертый закон естественный.

Люди, вступая в общество, теряют чувство слабости, равенство прекращается и бранное состояние начинается.

Каждое общество, частные люди в обществе начинают чувствовать свою силу и, желая обратить в свою пользу главные выгоды, производят бранное состояние.

Право политическое основано на отношении, какое имеют управляющие к управляемым.

Гражданское — на взаимном отношении граждан. Цель брани есть победа, цель победы — завоевание, цель завоевания — сохранение.

Из сего должно проистекать право *народное*. *Соединение всех сих частных*, — говорит Гравина¹, — составляет то, что называется *состоянием политическим*.

Держава политическая соединяет в себе необходимо многие семейства.

Соединение волей частных, — говорит Гравина², — составляет состояние гражданское.

Законы должны быть приличны климату, физическому и нравственному состоянию народа, роду жизни и проч.

Если весь народ в республике имеет власть верховную, тогда [на]зывается демократия, если только часть его — аристократия.

В Афинах наказывали смертью, — говорит Либиний³, — чужестранца, который вмешивался в народное собрание, ибо он похищал власть самодержавия.

В Риме не было определено число голосов при народном собрании.

В Лакедемоне должно было быть 10 000 граждан. Чем более аристократия будет подходить к *демократии*, тем она совершеннее, но она будет тем несовершеннее, чем ближе будет подходить к *монархии*.

Несовершеннейшая или худшая есть та, в которой повинующаяся часть народа находится в *гражданском рабстве* у той, которая повелевает, как была польская аристократия, где крестьяне были рабы дворянства.

Власти посредствующие, подчиненные и зависимые составляют свойство правления *монархического*.

Невежество, свойственное дворянству, его презрение к гражданскому правительству, требует, чтобы было сословие, которое беспрестанно извлекало бы законы из мрака, которым бы они совсем покрыты могли.

В монархии один правит по коренным законам. Между *свойством* правления и его *началом* есть то различие: что свойство его есть то, что заставляет его быть таким, а начало, что заставляет его действовать. Республики держатся сверх законов *Добродетелью*.

В монархии политика заставляет производить дела, а не добродетель.

А умеренность есть душа (этих правлений). Я разумею умеренность, основанную на добродетели, а не на лени и подлости души.

В монархиях очень трудно быть добродетельным народу.

Честолюбие в праздности, подлость в гордости, желание обогащаться без труда, отвращение от истины; лесть, измена, ковар-

ство, пренебрежение всех обязательств, презрение должности гражданина, страх от государевых добродетельных надежд к его слабости, и, что всего более, беспрестанное осмеяние добродетели составляют, кажется, свойство большей части придворных, ознаменовавших во всех, местах и во всех временах.

Кардинал Решилье в своем политическом завещании⁴ советует бояться государю употреблять в дела честного, но бедного человека, «ибо, говорит он, — они слишком строги и упрямы». — Но в монархическом правлении заменяет *честь* добродетель и представляет ее повсюду лично. *Честь* приводит в движение все части тела политического, она связует их самым своим действием: и выходит то, что каждый стремится к общему благу, думая, что идет к частным своим выгодам.

У деспота нет никакого правила, и его своеобразие истребляет все прочее. — Честь в деспотизме не имеет никакого значения.

Как в республике *добродетель*, в монархии *честь*, так в деспотическом правлении нужен *страх*.

Свойство деспотического правления требует крайнего повиновения. — Здесь нет ни умеренности, ни соглашений, ни изменений, ни слов, ни замен, ни переговоров, ни представлений, нельзя предлагать ничего равного или лучшего. Человек есть тварь, повинующаяся твари, которая хочет.

Люди имеют здесь один удел с бессловесными: внутреннее влечение, повиновение, казнь. — Нельзя отговариваться природными чувствами: почтением к родителю, любовью к детям и женам, законами чести, здоровьем: приказ отдан и должен исполниться.

Знание здесь будет пагубно, соревнование опасно, а что касается до добродетелей, то Аристотель не может верить, чтобы какая-нибудь добродетель была рабам свойственна: отчего воспитание в этом правлении весьма ограничивается.

Никогда не слыхано, чтобы государи не любили монархии, а деспоты ненавидели деспотизм. Мы, краснеясь, читаем у Плутарха, что фивяне, для смягчения нравов своего юношества, установили законами такую любовь, которую запретить должны бы были все народы. — В Афинах был закон, который позволял жениться на сестре безинокровной, а не единокровной.

В Спарте напротив. — Солон сделал из праздности преступление и хотел, чтобы каждый гражданин давал отчет, каким способом снискивает он себе пропитание.

УМ МОЖЕТ СТАРИТЬСЯ, КАК И ТЕЛО, — говорит Аристотель⁵. В монархии цензоры не нужны; они основаны на чести. Свойство чести таково, что она хочет иметь цензором весь свет. — Всякий человек, не имеющий чести, подвергается укоризне тех самых, у которых ее также нет.

По мере того как суды умножаются в монархиях, законоведение обременяется приговорами, которые иногда друг другу противоречат.

Все люди равны в республиканском правлении; они все равны и в деспотическом правлении; в первом — оттого, что они составляют всё, во втором — оттого, что ничего не значат.

(«О рабстве крестьян», «О существе законов Монтескье», «О политике», «О солдате», «Вечер в Кишиневе»), свидетельствующие о республиканском и антикрепостническом образе мыслей автора.

В. Ф. Раевский **О существе законов Монтескье**

Печатается по: Раевский, В. Ф. О существе законов Монтескье // Ученые записки Ульяновского гос. педагогического института. Пушкинский юбилейный сборник. — Ульяновск, 1949. — С. 252–255.

Первый издатель Я. Бейсов (Новое о В. Ф. Раевском // Ученые записки Ульяновского государственного педагогического института. Пушкинский юбилейный сборник, — Ульяновск, 1949. — С. 210–346) указывает, что «О существе законов Монтескье» публикуется с автографа по архивным материалам (ЛОЦИА, «Черновые бумаги...», лл. 111–113). Это конспект некоторых глав книги Монтескье «О духе законов». В конспекте материал извлечен так, что приводятся мнения о разных родах правления. При этом оправдывается республиканское правление, которому противопоставляется монархическое деспотическое правление. Комиссия связывала «Рассуждение о рабстве» с извлечением из Монтескье, требуя объяснения, с какой целью было сделано извлечение и переведено на русский язык. Ее также интересовал вопрос о том — не давал ли Раевский кому-либо переписывать его. Декабрист указывал, что он читал на русском языке перевод П. С. Потемкина «О разуме законов» и Д. Языкова «О существе законов» 1816). «Знаю, что правительство дозволило издание сих книг на русском языке для общего употребления» (ИРЛИ, «Ответные пункты...», § 35). В своей пропагандистской деятельности Раевский внедрял юнкерам идеи республиканского правления, противопоставляя его монархическому.

Что касается указанного перевода П. С. Потемкина, то следы его обнаружить не удалось: известно, что он перевел два трактата Руссо «Восстановление наук и художеств способствовало ли к исправлению нравов?» (1768) и «Рассуждение о начале и основании неравенства между людьми» (1770).

¹ *Джованни Винченцо Гравина* (1664–1718) — итальянский юрист, поэт и писатель, автор «*Originum juris civilis libri tres*» (Неаполь, 1701, 1713, Венеция, 1730) — труда по гражданскому праву.

² Раевский довольно точно переводит Монтескье: ср. «*Les forces particulières ne peuvent se réunir sans que toutes les volontés se réunissent. La réunion de ces volontés, dit encore très bien Gravina, est ce qu'on appelle l'ÉTAT CIVIL*». (Книга 1, глава I).

³ *Либаний, или Ливаний* (314–393) — крупнейший позднеантичный ритор, представитель младшей софистики, один из учителей Иоанна Златоуста, схолярх (руководитель риторической школы) в Антиохии.

⁴ Политическое завещание, или Принципы управления государством» (1637–1642) было написано кардиналом Ришелье для Людовика XIII.

⁵ Ср.: *L'esprit, dit Aristote, vieillit comme le corps.* (Книга 5, глава VII).

IV. РУССКИЕ СВЯЗИ МОНТЕСКЬЕ

З. И. Гершкович

Идейные связи русских и французских просветителей 18 века (Кантемир и Монтескье)

Печатается по: Гершкович, З. И. Идеиные связи русских и французских просветителей 18 века (Кантемир и Монтескье) // Вестник истории мировой культуры. — 1959. — № 4. — С. 120–129.

Впервые опубликовано: *Кавелин К. Д.* Политические призраки. Верховная власть и адми., 1898. С. 927–994.

¹ *Октавиан Гуаско* — см. примеч. 6 к статье Н.Ю. Плавинской.

² «Рассуждение о причинах величия и упадка римлян» (1734) — сочинение Монтескье, с которым связано рождение его исторического метода. Обращаясь к конкретному историческому материалу, Монтескье пишет не столько историю Рима, сколько философское рассуждение о механизмах истории вообще. Полемизируя с идеями провиденциализма, Монтескье отрицает, что Бог является движущей силой истории, и утверждает наличие объективных причин исторических процессов. Отталкиваясь от истории Рима, Монтескье стремится выявить универсальные законы Истории, применимые к любой эпохе и любой стране. Факт существования таких исторических закономерностей делает возможным извлечение уроков из прошлого в настоящем. В частности Монтескье предостерегает современных ему политиков против стремления к тому типу гегемонии, который был достигнут Римом (поскольку он неминуемо влечет к распаду государства), тем самым выступая против традиции восхваления величия Рима, сложившейся в исторической науке.

³ «История Карла XII» — первое крупное историческое сочинение Вольтера. Впервые было опубликовано в 1731 г., в последующие издания вносились изменения и прибавления. Кантемир был одним из первых русских читателей этого сочинения, при этом недоброжелательно замечал, что это «роман, а не история», а сам автор в большинстве его сочинений кажется ему «человеком, который притязает на то, чтобы писать о том, чего не понимает» (из письма от 29 ноября 1736 г. к маркизе Монконсель,